

АРХІЕПИСКОПЪ ІАКОВЪ (ВЕЧЕРКОВЪ).

IV.

Екатеринославская духовная семинарія ко времени прїѣзда Іакова.—Введеніе устава 1808 г.—Значеніе реформы.—Новыя права семинарскаго правленія.—Помѣщеніе семинаріи.—Составъ семинарскаго курса.—Іаковъ—профессоръ богословія.—Методъ преподаванія.—Библіотека.—Сочиненія.—Содержаніе семинаристовъ.—„Гаршіе“.—Экзамены.—Развлеченія.—Наказанія.—Движеніе по службѣ.—Отношеніе къ екатеринославскимъ архіереямъ.—Оеофиль и Гавріилъ.—Путешествія по южной Россіи.—„Путевыя замѣтки“ Іакова.—Любовь къ историческимъ наукамъ.—Веденіе „Записокъ“.—Проновѣди Іакова.—
Итоги екатеринославскаго періода.—

Ко времени прїѣзда новаго ректора Екатеринославская семинарія начала новый періодъ своей жизни: она была преобразована въ 1817 г. по уставу 1808 г. Введеніе послѣдняго подняло семинарію во всѣхъ отношеніяхъ: повысилось ея образовательное значеніе, такъ какъ преподавателями стали назначаться лица съ академическимъ образованіемъ, самое обученіе получило болѣе обширную постановку, улучшилось матеріальное положеніе педагоговъ и учениковъ, потому что сумма, отпускавшаяся прежде на содержаніе семинаріи, значительно увеличилась. Введеніе новаго устава, наконецъ, подняло семинарію и въ воспитательномъ отношеніи, такъ какъ самый уставъ 1808 г. былъ проникнутъ тѣми гуманными взглядами, которые появились въ Россіи въ вѣкъ Екатерины II¹⁾.

Цѣлью образованія въ семинаріи, по мысли новаго устава, являлось не только обогащеніе семинариста спеціально богословскими

¹⁾ *Бьдновъ, В.* Краткія историческія свѣдѣнія объ Екатеринославской духовной семинаріи. 1904, 62.

знаніями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общее развитіе; поэтому, уставъ придавалъ большое значеніе наукамъ общеобразовательнымъ. Число изучавшихся предметовъ было не велико, но каждое отдѣленіе отличалось единствомъ и законченностью. Если прежде въ семинаріи, какъ и во всѣхъ духовныхъ школахъ Россіи, господствовалъ латинскій языкъ, то теперь одинаковую съ нимъ важность получили языкъ греческій. Главными попечителями семинаріи сдѣлались епископы,—она подлежала ихъ личному вѣдѣнію. Семинарія получила право обсуждать предложенія архіереевъ и, въ случаѣ несогласія съ ними, передавать ихъ черезъ академическое правленіе на разсмотрѣніе комиссіи духовныхъ училищъ. Всѣ дѣла по учебному заведенію, какой бы они стороны ни касались, рѣшались правленіемъ семинаріи¹⁾.

Новый ректоръ прибылъ въ семинарію какъ разъ въ то время, когда тамъ особенно назрѣлъ вопросъ о помѣщеніи семинаріи. Жилыя комнаты семинаріи были такъ тѣсны, что не находилось мѣста для помѣщенія воспитанниковъ; отопленіе, по ветхости зданія, требовало слишкомъ много дровъ, больница помѣщалась въ жилыхъ комнатахъ учениковъ, а столовая—на кухнѣ, гдѣ воспитанники обѣдали по очереди. Въ годъ пріѣзда Іакова собственностью семинаріи стали два дома, подаренные помѣщиками, но польза отъ нихъ была небольшая; каждый годъ требовались расходы на починку старыхъ домовъ, падавшихъ отъ бури. Здѣсь не было даже мѣста для бібліотеки и физическаго кабинета, предметы которыхъ приходилось размѣщать, какъ попало.

Изъ состава преподавателей того времени извѣстны: Михаилъ Глухаревъ (впослѣдствіи инспекторъ)—(церковная исторія и нѣмецкій языкъ),—личность очень крупная и извѣстная въ исторіи русской церкви съ именемъ Макарія; Романъ Кутузовъ—(философія и еврейскій языкъ), Василій Цвѣтаевъ—(математика и греческій языкъ), Стефанъ Наумовъ—(всеобщая исторія и французскій языкъ). Ректоръ, по требованію устава, преподавалъ богословіе. Кромѣ преподавателей, бывали и лектора,—въ 1824 г. въ низшемъ отдѣленіи числился лекторъ греческаго языка Константинъ Емчитскій²⁾.

Въ архивѣ семинаріи и въ рукописныхъ собраніяхъ сохранились конспекты, которые могутъ ознакомить съ тѣмъ, что и какъ препода-

¹⁾ *Бѣдновъ*, о. с., 64—67.

²⁾ *Бѣдновъ*,—Кратк. ист. свѣд. объ Екатерин. семин., 67—68, 70, 64—65, 71.

давалось въ семинаріи. Въ 1824 г., какъ видно изъ конспекта, сохранившагося въ архивѣ семинаріи, іеромонахъ Іаковъ читалъ догматическое и дѣятельное богословія въ богословскомъ отдѣленіи. Читенія велись на латинскомъ языкѣ, только первая часть дѣятельнаго богословія читалась по-русски¹⁾.

Языки изучались основательно: не ограничиваясь одними переводами, ученики писали сочиненія на латинскомъ и греческомъ язз. Судя по сочиненіямъ тогдашнихъ семинаристов²⁾, видно, что классицизмъ въ семинаріи стоялъ прочно.

Преподаваніе въ семинаріи первоначально велось въ формѣ лекцій, записывавшихся учениками, но въ 1825 г. (8. VII) коммиссія духовныхъ училищъ запретила дѣлать это, потому что при такомъ порядкѣ одни преподаватели слишкомъ обременяли учениковъ своими записками, а другіе, произвольно взявъ въ руководство писателей иностранныхъ, уклонялись въ излишнія умствованія, при объясненіи богословскихъ и христіанскихъ предметовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, коммиссія предписала впредь до изданія „полнѣйшаго круга учебныхъ книгъ“ употреблять: въ богословскомъ классѣ по догматическому и дѣятельному богословіямъ книги Θεофилакта (Переяславскаго), въ философскомъ отдѣленіи—труды Баумейстера и Бруккера, а для словеснаго отдѣленія—риторику Бургія, съ приложеніемъ курса всеобщей литературы—Мейнерса³⁾.

При семинаріи существовала библіотека, которая въ годы ректорства Іакова не отличалась богатствомъ: ея каталогъ состоитъ всего изъ 55-ти листовъ (за подписью ректора)⁴⁾.

Несомнѣнно, что лучшимъ показателемъ развитія ученика служатъ его сочиненія. На нихъ въ семинаріи обращалось особенное вниманіе.

Авторамъ лучшихъ сочиненій оказывалось всевозможное поощреніе не только со стороны преподавателей, но и начальства. Эти сочи-

¹⁾ *Вѣдновъ*, о. с., 70. Записки его же по догматикѣ, на латинскомъ яз., на 125 листахъ, in folio, за подписью: „Профессоръ богословія іеромонахъ Іаковъ“, попали въ собраніе А. А. Титова См. Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи А. А. Титова, IV. М. 1901, 14. (№ 1806).

²⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ библіотекѣ екатеринславской семинаріи.

³⁾ *Вѣдновъ*, о. с., 70—72.

⁴⁾ Хранится въ архивѣ Синода, № 3249. *Никольскій*, А. Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Св. Правит. Синода, 11, в. II. СПб. 1910, 317.

ненія читались на публичныхъ испытаніяхъ въ присутствіи архіерея и губернатора: нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ библиотекѣ Екатеринославской семинаріи въ сборникъ подъ названіемъ „Нѣкоторые опыты упражненій воспитанниковъ Екатеринославской семинаріи за 1830 годъ“¹⁾.

Содержаніе сборника любопытно и потому, что оно знакомитъ съ темами, какія были въ ходу въ тогдашней семинаріи.

Оно таково. 1. Разсужденіе о благодти Божіей къ грѣховному человѣчеству (Вас. Курковскаго, на греческомъ яз.).—2. *Dissertatio de necessitate religionis* (Сим. Пилипея).—3. *Dissertatio de regeneratione* (Вас. Демиденкова).—4. *Dissertatio quo probatur Г-І (me) heorneustia sanctarum litterarum?* (Иосифа Деркачева).—5. Разсужденіе о возрожденіи (Льва Колтуновскаго).—6. Разсужденіе о состояніи душъ по смерти (Николая Глижинскаго).—7. Разсужденіе о божественности Іисуса Христа (Аѳанасія Ситницкаго).—8. Разсужденіе о страшномъ судѣ (Василія Курковскаго).—9. О томъ же (Фаддея Минченко).—10. Разсужденіе о Боговдохновенности Священнаго Писанія (Арсенія Глядковскаго).—11. Разсужденіе о совершенствѣ міра (Александра Сидина, ученика средняго отдѣленія).—12. Разсужденіе о безсмертіи души (Гаврііла Моторнаго, ученика того же отдѣленія).—13. Разсужденіе: умственные или опытные доказательства вѣрнѣ служатъ къ подтвержденію истины? (Платона Глобачева, — средняго отдѣленія).—14. Блаженство первыхъ двухъ человѣкъ (въ стихахъ, Василія Феодорова).—15. Златый вѣкъ (Николая Буркина).—16. Блаженство первыхъ двухъ человѣкъ (въ стихахъ, Ивана Каневца).—17. Блаженство прародителей въ раю (въ стихахъ, Иларіона Савинова)²⁾.

И. Буркинъ начинаетъ свою рѣчь очень громко:

¹⁾ № III. II. 245. 8247. *Бѣдновъ, В.* Матеріалы для ист. Екатериносл. дух. семинаріи. Образцы ученическихъ сочиненій 1830 г. 1905, 1—2; Кратк. историч. свѣд. объ Екатеринославск. семинаріи, 71.

По нашему мнѣнію, этотъ сборникъ образовался по инициативѣ ректора Іакова; дѣло въ томъ, что и въ Саратовской семинаріи, гдѣ также дѣйствовалъ Іаковъ, есть два совершенно такихъ же съ виѣшней стороны сборника лучшихъ сочиненій, представлявшихъ семинаріей мѣстному епископу (Іакову) и одобренныхъ имъ для храненія въ семинарской библиотекѣ.

²⁾ Первые десять сочиненій писаны учениками богословія, четыре послѣднихъ—словеснаго отдѣленія, а остальные—философскія. Въ настоящее время *В. А. Бѣдновымъ* изданы „Златый вѣкъ“ и „Блаженство первыхъ двухъ человѣкъ“. Матеріалы для ист. Екатериносл. дух. семина., „Екат. Е. В.“, 1905, и отд., 1905. 5—11.

„Не славою побѣдъ геройскихъ,
Ниже величіемъ царей,
Ни звукомъ трубъ,—литавровъ громкихъ,
Плененъ я днесъ въ душѣ моей“.

На крыльяхъ воображенія поэтъ улетаетъ въ золотой вѣкъ и видитъ блаженство прародителей, находившихъ счастье въ любви къ Творцу; ихъ чувства сіяли красотой, разумъ блисталъ остротой, слава міра ихъ не прельщала. Здоровье и крѣпость силъ тѣлесныхъ видны были въ прародителяхъ; ничто не смущало ихъ покоя: ни игры, ни пляски,—этихъ *злыхъ* утѣхъ тогда не было. Къ человѣку стекались „созданія виѣшнія“, подъ которыми надо разумѣть животныхъ. Изобразивъ такими чертами золотой вѣкъ, авторъ переходитъ къ своему времени, и замѣчаетъ полную противоположность: раздоры въ людяхъ, зависть, злобу, гордость, пиры, моды и страсти. Истинная вѣра и любовь къ Богу затмились; мы оскорбляемъ Бога и впадаемъ въ различныя бѣдствія: насъ сражаютъ болѣзни, несчастья. И въ животныхъ нѣтъ теперь кротости. „Нигдѣ нѣтъ щастія слѣдовъ“.

Поэтъ грустно восклицаетъ:
„Ахъ! еслибъ праотцы къ отрадѣ
Возстали изъ гробовъ своихъ
И жизнь несчастную узнали,
Сражающу потомковъ ихъ(,)
Тогда бы въ горести сердечной
Жалѣли о дѣтяхъ своихъ,
Ихъ видя въ безднѣ безконпчной
Сокрылись бы отъ взора ихъ“.

Не менѣе сильно начинается свое произведеніе и авторъ „Блаженства первыхъ двухъ человѣкъ“. Онъ проситъ Самого Бога вселить въ него духъ разума и открыть двери въ селенія праотцевъ, чтобы изобразить ихъ блаженство. Хотя слабый, по собственному признанію, умъ автора не можетъ изъяснить всего блаженства, однако, онъ обѣщаетъ приложить къ тому все свои усилія и ревность.

По изображенію поэта, во времена Адама и Евы обильно текли рѣчки меда и молока, вездѣ были разсыяны плоды земли, тогда не знали нужды ни въ одеждѣ, ни въ хлѣбѣ, не страдали отъ болѣзней, и, не зная грѣха, проводили спокойную жизнь, наслаждаясь лицезрѣніемъ Бога, покоемъ совѣсти и красотой эдема. Прародители не знали

зла, получали законъ отъ Бога, хранили правду, не знали лжи, цвѣли чистотой, невинностью и простотою. Одною лишь Бога знали они. Но вотъ искушитель предложилъ имъ запрещенный плодъ,—заповѣдь была преступлена, и бѣдствія окружили Адама и Еву. Они поработились грѣху. Богъ проклялъ землю. Всюду слышатся имъ стонъ, вой, шумъ, вездѣ встрѣчаютъ грѣхъ и принимаютъ смерть. Человѣческое существованіе теперь уже не жизнь: люди—жертва гроба; всюду „текутъ“ тысячи болѣзней, убійства, зависть и злоба. И люди привыкли къ работѣ; они рожаютъ дѣтей въ болѣзняхъ, вкушаютъ хлѣбъ въ пыли и потѣ, томить ихъ нынѣ зной и гладь. „Но нынѣ Христосъ пришелъ къ намъ новый“; Онъ далъ спасеніе, а душа наша, покаившись, должна вступить въ бракъ съ Христомъ и избрать себѣ прямую дорогу¹⁾.

(Судя по этимъ двумъ сочиненіямъ²⁾, семинарія временъ Іакова довольно хорошо развивала воспитанниковъ. Повидимому, личность ректора задавала нѣсколько аскетическій тонъ семинаріи,—по крайней мѣрѣ, у одного изъ авторовъ разсматриваемыхъ сочиненій (Буркина) проскальзываетъ взглядъ на игры и пляски, какъ на *злыя* утѣхи.

Что же касается внѣшней жизни воспитанниковъ того времени, то большинство ихъ помѣщалось на частныхъ квартирахъ; только сироты да дѣти бѣдныхъ родителей жили въ семинарскомъ корпусѣ на полномъ казенномъ содержаніи, или же на половинномъ. По уставу 1808 г. на каждаго казеннаго воспитанника полагалось 56 рублей въ годъ, а на полуказеннаго—вдвое меньше. А такъ какъ число нуждающихся было велико, то правленіе семинаріи принимало воспитанниковъ больше, чѣмъ полагалось по штату; всегда оказывались такъ называемые сверхштатные питомцы. Для содержанія всѣхъ принятыхъ семинаріи приходилось экономить, не давать штатнымъ всего того, что полагалось. Семинарское начальство въ данномъ случаѣ руководилось тѣмъ соображеніемъ, что лучше давать кое-что многимъ, чѣмъ, удовлетворивъ только немногихъ, лишать остальныхъ возможности получать образованіе. Этимъ и объясняется тѣснота и нищета семинаріи.

Квартиры ученикамъ обычно подыскивались тамъ, гдѣ подешевле,—на Мандрыковкѣ, въ „Каменьяхъ“ и т. п.; платили обыкновенно

¹⁾ *Бѣдновъ*, Матеріалы для ист. Екатериносл. дух. семинар., 2—11.

²⁾ Можно пожалѣть, что г. Бѣдновъ, имѣя въ рукахъ „Опыты“ екатеринославскихъ семинаристовъ, издалъ только два стихотворныхъ уираженія, оставивъ сочиненія болѣе серьезные.

7 рублей ассигнаціями (на серебро 2 рубля съ копѣйками) въ мѣсяць. Для удобства надзора за учениками правленіе, по представленію инспектора, назначало изъ семинаристовъ богословскаго отдѣленія „старшихъ“; каждый старшій получалъ на свое попеченіе опредѣленное количество воспитанниковъ. Тотъ же институтъ былъ введенъ и въ общежитіи учениковъ¹⁾. „Старшіе“ дѣлились на нѣсколько разрядовъ: казенные, квартирные; тѣ, въ свою очередь, тоже подраздѣлялись, такъ, были старшіе комнатные, обязанные наблюдать за порядкомъ въ порученной ихъ надзору комнатѣ, старшіе классные, называвшіеся иначе цензорами,—эти слѣдили за порядкомъ въ классѣ; были, наконецъ, старшіе общіе, которые смотрѣли за порядкомъ во всемъ казенномъ домѣ. Соотвѣтственно этому дѣлились и квартирные старшіе: они различались между собой по объему власти и степени ея продолжительности. Старшіе имѣли особую инструкцію. Обязанные наблюдать за поведеніемъ учениковъ, они сообщали инспектору свои наблюденія не только о поведеніи, но и о характерѣ каждаго воспитанника. Хорошая сторона института заключалась въ томъ, что слабые ученики всегда имѣли руководителей, помогавшихъ имъ готовить уроки и знакомиться съ порядками семинаріи, а значительнымъ минусомъ служило то, что старшіе иногда ставили себя въ положеніе начальства, заставляли исполнять свои порученія, отличались грубостью и дерзостью; поэтому институтъ содѣйствовалъ развитію въ семинаріяхъ шпіонства. Вообще характеръ этого института много зависѣлъ отъ личности инспектора²⁾.

Учебный годъ начинали съ сентября. къ первому іюля кончали классныя занятія, и затѣмъ происходили экзамены. Они были частные (или внутренніе) и публичные; первые устраивались передъ Рождествомъ, Пасхой и лѣтними каникулами, а послѣдніе только передъ каникулами. Во время публичныхъ испытаній всегда старались показать почетнымъ посѣтителямъ лучшую сторону дѣла, для чего экзаменуемымъ заранее назначался извѣстный отдѣлъ изъ пройденнаго, читались лучшія сочиненія, говорились рѣчи, раздавались награды. Эти экзамены служили настоящимъ праздникомъ для семинаристовъ: тогда на нихъ исключительно сосредоточивалось общее вниманіе.

Ежегодно перваго и пятнадцатаго мая устраивались рекреаціи, излюбленнымъ мѣстомъ для которыхъ служилъ небольшой лѣсъ, находившійся верстахъ въ пяти отъ города. Въ этотъ лѣсъ и собира-

1) *Будновъ*, Кратк. историч. свѣдѣнія, 73—74.

2) *Титовъ*, Дух. школы Курско-Бѣлоградск. епарх., 129—132.

лись всѣ воспитанники съ преподавателями; здѣсь они играли, пѣли, проводили время весело, а кто посолондѣе, тѣ занимались разговорами. Въ каждый изъ рекреационныхъ дней ученики всѣхъ классовъ, собравшись вмѣстѣ, шли къ квартирѣ ректора, гдѣ и начинали пѣть хоромъ: „Reverendissime domine rector, recreationem rogamus“, и не уходили до тѣхъ поръ, пока ректоръ не выходилъ на крыльцо и не давалъ своего согласія на рекреацию. На мѣсто гуляній, по рассказамъ очевидцевъ, иногда являлись и архіереи. Съ гулянья возвращались уже вечеромъ; при этомъ воспитанники гурьбой слѣдовали за экипажемъ ректора съ пѣніемъ рекреационныхъ кантовъ, въ родѣ:

„Мы тебя любимъ сердечно,
 Будь намъ начальникомъ вѣчно;
 Наши возжегъ ты сердца,
 Мы въ тебѣ видимъ отца,
 Съ тобою намъ кажется рай.“

Въ число позволявшихся семинаристамъ развлеченій входили также кулачные бои съ екатеринославскими фабричными.

Что касается дисциплины, то она отличалась строгостью. Конечно, такой инспекторъ, какъ іеромонахъ Макарій (Глухаревъ), человекъ кроткій, тихій, входилъ въ положеніе провинившихся. всегда старался подѣйствовать духомъ кротости и убѣжденія, но другіе инспектора не церемонились съ воспитанниками и за каждый проступокъ наказывали сурово. Уже упоминавшійся Кутузовъ, напр., связывалъ учениковъ съ помощью слугителей, и связанныхъ сажалъ въ карцеръ; а то приказывалъ семинарскимъ сторожамъ приводить въ классъ учениковъ, почему либо не ходившихъ на уроки, напр., въ 1826 г. сторожа неоднократно доставляли въ классъ ученика высшаго отдѣленія Ѳедора Пенчула. Самое широкое примѣненіе въ семинаріи имѣли розги; незнавшихъ уроковъ бурсаковъ клали въ два ряда на полу, и немилосердно драли розгами, большой запасъ которыхъ всегда имѣлся въ семинаріи. Высшей мѣрой наказанія служило исключеніе изъ семинаріи, которое пріурочивалось къ концу учебнаго года; исключали ежегодно немало, душъ двадцать за разъ. Поводы къ тому были очень разнообразны: упорная лѣность, безуспѣшность, недостатокъ хорошаго поведенія, холодность къ наукамъ, превозрастіе, слабость дарованій, дерзкій характеръ и т. д.

Но въ то же время въ правленіе Іакова было и много хорошаго, что дѣлало честь этому учебному заведенію и его дѣятелямъ. Здѣсь

находилось немало старательныхъ и даровитыхъ учениковъ, которые прекрасно усвоивали семинарскія науки, шли въ высшія учебныя заведенія и въ послѣдствіи являлись полезными работниками, таковы: братья Иванъ и Карпъ Грузины, Василиій Курковскій, Серафимъ Серафимовъ, бывшіе бакалаврами Кіевской академіи; Михаилъ Павловскій, въ послѣдствіи профессоръ богословія въ Новороссійскомъ университетѣ. Были воспитанники, которыхъ вызывали въ медико-хирургическую академію; одинъ—Р. Ясинскій—профессоровалъ въ Московскомъ отдѣленіи академіи. Григорій Карюковъ (въ иночествѣ Ювеналій), Михаилъ Шаповаленко (съ именемъ Θεодосія) и Николай Неводчиковъ (Неофитъ) были архіереями,—первый въ Орлѣ, второй—въ Вологдѣ и послѣдній въ Кишеневѣ¹⁾.

Живя въ Екатеринославлѣ, іеромонахъ Іаковъ преподавалъ съ сентября 1823 г. до февраля слѣдующаго года катехизическое ученіе (по воскреснымъ днямъ). Затѣмъ онъ вошелъ въ составъ членовъ Консистоіи (15. X. 1823) и попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія (22. XII. 1823); 15 февраля 1824 г. Іакова поставили благочиннымъ и настоятелемъ (4. X. 1827) второкласнаго Григорьевскаго Бизюкова монастыря²⁾. Здѣсь онъ задумалъ сдѣлать серьезныя перестройки (1827), такъ какъ монастырскія церкви и зданія пришли въ большую ветхость; предпринялъ было онъ нѣкоторыя мѣры къ тому (1828), но затянулась долгая переписка, къ тому же Іаковъ недолго жилъ въ Екатеринославлѣ послѣ 1828 г., и его замыслы кончились ничѣмъ³⁾. Въ тоже время Іаковъ ревизовалъ екатеринославскія духовныя училища (1825), а потомъ, получивъ санъ архимандрита (1. XI. 1827), былъ ревизоромъ ростовскихъ и маріупольскихъ духовныхъ училищъ (1828)⁴⁾.

Какъ начальникъ средней богословской школы, ректоръ Іаковъ находился въ частыхъ сношеніяхъ съ екатеринославскими архіереями. Сразу по пріѣздѣ въ Екатеринославъ онъ нашелъ строгаго, взыскательнаго до мелочей и придирчиваго до странности начальника въ

¹⁾ *Бѣдновъ*, Краткія ист. свѣд. объ Екатеринославской духовной семинаріи, 73—77.

²⁾ Находится при рѣкѣ Днѣпрѣ, въ 15 верстахъ отъ г. Берислава. *А. М.*, Жизнь Пресв. Іакова, 16.

³⁾ *Архимандр. Дюписій*. Свѣдѣніе о второкласномъ Григоріевскомъ Бизюковѣ монастырѣ „Херс. Еп. Вѣд.“, 1862, 8, стр. 510.—*Зюльрисскій*. Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ 1, 81.

⁴⁾ *Родосскій*, о. с., 177. *Титовъ*, Высокопресв. Іаковъ, „Душен. Чт.“, 1910 № 6, 263.

лицѣ епископа Теофила, который, къ тому же черезчуръ критически относясь къ своимъ подчиненнымъ, былъ крайне скупъ на поощренія ихъ наградами. Показалось, что новый ректоръ стыдится надѣвать монашескую мантию при богослуженіи и имѣеть слишкомъ роскошный экипажъ. Раздражительный архіерей возмутился и отдалъ рядъ характерныхъ предписаній духовенству, которыя вполнѣ даютъ понять, что за человѣкъ былъ начальникъ Вечеркова и каково приходилось послѣднему управлять семинаріей при руководствѣ Теофила.

Неоднократно, писалъ екатеринославскій владыка своей конси-сторіи¹⁾, усмотрѣно мной, что духовенство не соотвѣтствуетъ своимъ поведеніемъ званію священному и предписаніямъ по духовной и свѣтской части. Поэтому, какъ іеромонаху Іакову, доселѣ стыдящемуся имѣть мантию къ служенію и содержащему жениховскій къ выѣзду экипажъ, такъ градскому духовенству, отъ протопопа до пономаря, запретить ѣздить не только на свѣтскіе балы, „но и къ столамъ такимъ никуда“, гдѣ мы не нужны, кромѣ должности, и колыми паче, безъ присутствія моего. А при этомъ напомнить, чтобы никто безъ исключенія „не отваживался“ безъ предварительнаго моего вѣдѣнія являться и тамъ, гдѣ я прошенъ бываю на чай послѣ обѣдни; потому что компаніонъ такой, „паче же не бывшій въ служеніи со мной, уничтожителенъ въ политикѣ духовной“²⁾. При такомъ архіереѣ, ректоръ Іаковъ, хорошо видя нестроенія и скудость въ семинаріи, ничего не могъ сдѣлать для ея улучшенія.

Гораздо лучше чувствовалъ себя ректоръ, а съ нимъ и все екатеринославское духовенство, когда мѣстную кафедру занимали, одинъ за другимъ, кроткій Онисифоръ и благодушный Гавріиль. Послѣдній относился къ семинаріи и ея дѣятелямъ особенно благосклонно и привѣтливо. Гавріиль познакомился съ Іаковымъ еще въ Орлѣ³⁾, и теперь хорошія отношенія утвердились еще прочнѣе. Архіепископъ Гавріиль помогалъ ректору въ его стараніяхъ улучшить семинарію, но ея положеніе было такъ худо, особенно матеріальное, что всѣ добрыя стремленія ихъ очень мало дали этому учебному заведенію⁴⁾.

Вмѣстѣ съ Гавріиломъ ректоръ три раза (1828-30) путешествовалъ по екатеринославской губерніи, Области Войска Донского и

¹⁾ 15. IX. 1825.

²⁾ „Путевыя замѣтки Іакова“, предисловіе редакціи, „Херс. Еп. Вѣд.“, 1862, стр. 11—12, и примѣч.

³⁾ Ibid., 12.

⁴⁾ А. М. Жизнь Преосв. Іакова, 17.

Крыму. При этомъ послѣдній велъ записки, тщательно отмѣчая то перомъ, то карандашемъ все интересное, историческіе памятники онъ зарисовывалъ¹⁾. Записки о своихъ путешествіяхъ Іаковъ закон-

¹⁾ „Замѣтки“ теперь вполнѣ изданы *Н. Н. Мурзакевичемъ* („Херс. Еп. Вѣд.“, 1862, VI, 11, 49, 105), хотя неудовлетворительно: многія слова остались неразобранными. Перепечатка этого изданія сдѣланъ *В. А. Будинымъ*, въ „Лѣтоп. Екатеринославск. Арх. Ком.“, VI. Путешествіе Вечеркова я излагаю подробно: слишкомъ мы мало знаемъ объ екатеринославской жизни нашего дѣятеля, чтобы пренебрегать такимъ цѣннымъ матеріаломъ.

Первое путешествіе относится къ 1828 г., когда Гавріилъ задумалъ съѣздить въ Таганрогъ. Путешественники направились (16. VIII), при хорошей погодѣ, въ Новомосковскъ. „Тишина ночи, яркій свѣтъ луны, длинный рядъ возницъ, безмолвіе путешествующихъ, непрерывный звонъ почтовыхъ колокольчиковъ придавали неизъяснимо торжественность путешествію и располагали къ размышленію“ (Путевыя замѣтки, 13—14). Проѣхавъ городъ, они, часовъ въ 11 ночи, прибыли въ самарскій монастырь, гдѣ Гавріила встрѣтили „слабыми стихами“. Отслужили (17. VIII) паннихиду по екатеринославскимъ архіереямъ, здѣсь погребеннымъ. Архіепископъ бесѣдовалъ съ жителями Новомосковска о народахъ, жившихъ по дѣбировскимъ стѣнямъ, и началъ самарскаго монастыря: Іаковъ записалъ полученныя свѣдѣнія (Замѣтки, 14—17). На другой день двинулись къ Павлограду; по пути ректоръ отмѣтилъ курганы, находящіеся по выѣздѣ изъ самарскихъ лѣсовъ. Прибывъ утромъ 19 числа въ с. Знаменку, Гавріилъ въ бесѣдѣ съ народомъ спрашивалъ символъ вѣры; въ с. Карабиновкѣ обѣдали у помѣщика генерала Мизко, при чемъ, замѣчаетъ Вечерковъ, разговаривали на латинскомъ языкѣ, какъ древніе римляне. Здѣсь онъ отмѣтилъ древнюю крѣпость. Проѣхали с. Сокологорское и Павлоградъ (Ibid., 17—19). Миновали с. с. Богуславъ,—гдѣ опять спрашивалъ архіерей символъ,—Дмитровку, Никольское съ древнимъ иконостасомъ въ церкви [около села была зарисована каменная баба 20. VIII. 1828], м. Петропавловское и с. Троицкое; здѣсь вниманіе наблюдательнаго ректора остановила на себѣ церковь съ иконою Бога Отца надъ жертвенникомъ, при чемъ Лицо Его закрыто сѣніемъ. Поразило наблюдателя и большое число здѣшнихъ старообрядцевъ, о которыхъ Іаковъ замѣтилъ въ записной книжкѣ, что ихъ слѣдуетъ увѣщать. Дальше шли с. с. Ивановна, Славянка (сюда прибыли 21 числа), гдѣ онъ замѣтилъ множество могилообразныхъ насыпей—между Славянской, Гришиной и Бахмутомъ, земляную крѣпость между Гришиной и с. К. (не разобрано Н. Н. Мурзакевичемъ) и зарисовалъ каменныя бабы. Селевія: Бахмутъ, основанный Петромъ I, Ивановское, Есауловская, деревни Леонова, с. Ятково ничего не дали интереснаго (Ibid., 20—25). 25-го прибыли въ с. Чалтырь, позволившій замѣтить, что здѣшніи армянки заплетаютъ свои волосы такъ же, какъ причесаны они на каменныхъ бабахъ. Пребываніе въ Ростовѣ дало возможность Іакову записать свѣдѣнія о началѣ донскихъ казаковъ, полученныя отъ прот. Щербинскаго; поправилось здѣсь любителю старины и знаніе учителемъ Синявскимъ латинскаго и греческаго языковъ. Наконецъ, 28 V. VIII. путешественники достигли Таганрога: осматривъ насыпь Петра В., они покинули этотъ городъ 2. IX. Деревни Саргина (куда прибыли 5. IX.), Мариуоль, интересныя греческими иконами и церковной архитектурой, с. Мангушь (10. IX.) съ турецкимъ языкомъ населенія, и с. Темрюкъ съ его Бештасскими горами были послѣдними пунктами, о которыхъ упоминаетъ Іаковъ въ запискахъ о первой поѣздкѣ (Замѣтки, 25—30).

На слѣдующій годъ Гавріилъ и ректоръ совершили весной экскурсію въ Крымъ. Поѣздка началась 1 мая. Первыми пунктами, отмѣченными въ записной книжкѣ,

чиль 1831 г., когда онъ ѣздилъ по югу Россіи уже одинъ, какъ бла-
оказались: с. Солонепька, Бериславъ и Перескопъ; здѣсь путешественники обратили вниманіе
на древніе рвы и валъ, устройство домовъ, modus vivendi жителей, собрали свѣдѣнія о
добываніи соли и осмотрѣли молитвенный домъ. 10 числа, подъѣзжая къ Симферополю,
они любовались высокими Таврическими горами и богатой флорой; удалось отмѣтить
филологію названія самой высокой горы—Чатырдагъ. Осматривали соборъ, гдѣ путеше-
ственниковъ заинтересовали сосуды, пожертвованные Екатериной II. Этотъ городъ далъ
ректору возможность отмѣтить въ записной книжкѣ пѣніе въ церквахъ и обѣды, которые
давались архіепископу. 15. V. посѣтили Бахчесарай съ его оригинальной Успенской
церковью, устроенной среди скалъ; по дорогѣ встрѣчались цвѣты. Покинувъ Бахчесарай
(16. V), путники видѣли сады с. Бельбска, Черное море, Севастополь (16. V), гдѣ
обѣдали, и остановились въ Балаклавскомъ монастырѣ. Древняя крѣпость Балаклавы
привлекла вниманіе Вечеркова, и тотъ набросалъ карандашомъ ея планъ (20. V). Въ
с. Байдаръ видѣли татаръ и гору Мердвень. Пребываніе въ с. Кучукъ-Юй познакомило
путешественниковъ съ нѣкоторыми обычаями татаръ; записанъ въ книжку ихъ обрядъ
привѣтствія. Отсюда черезъ д. Книгъ—Неисъ пріѣхали въ д. Лемена, гдѣ осмотрѣли
надпись, сдѣланную Александромъ I на горѣ Цивѣ. Деревня Цименсъ, Алупка (22. V),
гдѣ подавали къ обѣду вино, очень похожее на сотернъ, и путешественники наслажда-
лись картинами богатой природы, Аутка, Ялта, Мансандра, д. Никита съ мечетью, сдѣ-
ланной изъ древней греческой церкви, мало дали матеріала для замѣтокъ. Только въ
Ауткѣ Іаковъ описалъ церковь да въ д. Никита, вмѣстѣ съ Гавріиломъ, разспросилъ
жителей о древности церкви. Красоту мѣстности, при дальнѣйшемъ пути, усиливали
сады; показался Гурзуфъ (въ „Замѣткахъ“, 66,—Урзуфъ), 23. V—гора Аюдагъ, гдѣ
Гавріилъ и ректоръ имѣли случай видѣть интересную природу, колонну изъ развалинъ
монастыря на горѣ Аюдагъ и мѣсто погребенія паны Льва I. Обратили вниманіе на
мебель въ азиатскомъ вкусѣ и на деревья, къ которымъ, какъ говорили, Екатерина В.
и Александръ I привязывали своихъ лошадей; Іакову показалось сомнительнымъ это
преданіе объ Екатеринѣ; онъ записалъ о пребываніи Александра I на Аю-дагѣ въ 1825 г.
Отмѣтивъ развалины монастырей св. Петра и св. Константина, архіерей и ректоръ
прѣхали: д. Микра—Ламбасъ, Алушту (отмѣченъ памятникъ Кутузову), Букукъ-Чавке и
д. Мамутъ Султанъ. 28. V.—въ Симферополѣ. Раннимъ утромъ (5 ч.) служили утреню,
произведшую особенно сильно впечатлѣніе на Іакова, а затѣмъ (8 ч.)—литургію и
отпѣвали г.—лейтенанта Рудзевича въ симферопольскомъ соборѣ, гдѣ Вечерковъ гово-
рилъ проповѣдь. На слѣдующій день, пріѣхавъ въ Армянскій Базаръ, были у кунца
Кобца. Последними пунктами Іаковъ отмѣтилъ: Каховку, с. Канры и Ланатиху.. Это—
все извѣстное о второмъ путешествіи (Замѣтки, 49—69; о своей проповѣди авторъ не
говоритъ, но она была, см. „Слова“ Іакова 11, 297—300).

На весну 1830 г. (23. IV) архіерей, ректоръ, писмоводитель и два дьякона
выѣхали въ трехъ экипажахъ въ Маріуполь. Совершивъ неудобную переправу черезъ
рѣку Суру, они миновали станцію Рябомугильную, названную, какъ узналъ Іаковъ, по
высокой вблизи находящейся могилѣ, с. Солонепькое, колонію Малашеву и переправились
черезъ Днѣпръ. Остатки крѣпости Петра В. на одномъ изъ острововъ и Петровская
крѣпость около г. Александровска привлекли на первый разъ вниманіе путешественни-
ковъ. По пути встрѣчались: с. Малая Токмачка, г. Орѣховъ, с. Конскіе Раздоры, Бѣлоцерковка
и Маріуполь, гдѣ детальнѣе осмотрѣли церкви, отмѣченные еще въ первую поѣздку. Ви-
дѣли и два старинныхъ маріупольскихъ колодца, а также развалины древней церкви.

Мѣстное духовное правленіе нашли въ неудовлетворительномъ состояніи. Побывавъ
въ с. Сатарна (29. IV), гдѣ осмотрѣли р. Калку, опять возвратились въ Маріуполь (30.

гочинный монастырей¹⁾. Какъ путешественникъ, Іаковъ обнаружилъ большую наблюдательность; онъ тщательно отмѣчаетъ: природу, особенно сады, плодородіе земли, обычаи, занятія и число жителей, улицы, приемы, посѣщенія учебныхъ заведеній и духовнаго правленія, памятники исторіи, преданія, пѣніе въ церквахъ и одинъ разъ обратилъ вниманіе на старообрядцевъ. Интересно замѣтить, что путешественникъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣтилъ, какъ на одномъ изъ обѣдовъ присутствующіе говорили на латинскомъ яз. Записки эти

IV). Въ началѣ мая путешественники были въ Старомъ крыму (1 числа), с. с. Керменчукъ и Большой Михайловкѣ.

¹⁾ Путевыя замѣтки, изд. В. А. Бѣднова, „Лѣтопись Екатеринославск. Уч. Арх. Ком.“, VI, 86, примч. Отправившись 9 мая изъ Екатеринослава въ сопровожденіи П. С. Зосимовича, проводившаго Вечеркова верстѣ за восемь отъ города, онъ прибылъ на станцію Рябая Могила. Какъ и раньше, Іаковъ занесъ въ памятную книжку видѣнные курганы. Подѣхавъ къ Неенбургской станціи вечеромъ, онъ ночевалъ у одного пѣнца. Утромъ тронулся къ Кичкосу, думая о блаженствѣ умершихъ дѣтей, и благополучно переправился черезъ рѣку. Посѣтивъ въ восемь часовъ утра Александровскъ и его церкви, ректоръ скоро прибылъ въ с. Комышеватку, интересное тѣмъ, что ни у одного жителя не замѣчалось на гумнахъ хлѣбныхъ стоговъ. Отсюда до г. Орѣхова бросается въ глаза полоска земли, находящаяся между горами; Іаковъ вышелъ изъ экипажа и часть пути прошелъ пѣшкомъ. Въ 5 ч. (повидимому, вечера)—въ Орѣховѣ. Къ вечеру (въ 7 час.) Іаковъ отправился въ направленіи къ Крыму. Дорогой особенно ему понравились с. Балки и окрестные виды. Миновавъ с. Днѣпровскъ и Малую Знаменку, приблизились къ тяжелымъ для ѣзды пескамъ; потомъ дорога пошла черезъ днѣпровскій заливъ, гдѣ, въ виду внушавшаго опасенія моста, путешественникъ опять шелъ пѣшкомъ. За мостомъ показалось древнее укрѣпленіе. Однообразіе прошли с. с. Знаменка, Лапатиха, Капры, наконецъ,—остановка въ Бизюковѣ монастырѣ, куда Іаковъ прибылъ въ 7 час. утра; посѣтилъ перковь, братскія и настоятельскія кельи и записалъ историческія свѣдѣнія о монастырѣ. Отсюда—къ Бериславлю. Тихой кожной ночью проѣхали станціи Каховку, Черную Долину, Чаплинку, и остановились въ Перекопѣ, гдѣ Іаковъ осматрѣлъ новую красивую церковь. Миновали ст. Ишѣнь, Дюрмень, Майбартъ, Абламъ, Сарабузь и при лунѣ вѣхали въ Симферополь (13. V.) съ его роскошными садами. Въ Бахчесараѣ—остановка. Ректоръ посѣтилъ митрополита Филоѳея и реставрированный дворецъ хана, съ его домашней мечетью и заломъ съ фонтаномъ, осматрѣлъ сады, а въ сумерки, послѣ чая, путешественникъ опять гулялъ по ханскому дворцу. Особенное впечатлѣніе, писалъ наблюдатель, производила на меня тишина и воспоминанія о деспотизмѣ и роскоши хановъ. Уже при лунѣ я шелъ въ свою квартиру по узкимъ улицамъ, когда въ городѣ совершенная тишина. Не слышно было ни пѣсенъ, ни музыки, ни разговоровъ. Казалось, все уже спало. Здѣсь удалось записать разсказъ прот. Спиранде о Бахчесараѣ (или, какъ писалъ Іаковъ, Бакчисараѣ), о жившихъ тамъ ханахъ, церемоніяхъ двора и жителей; отмѣтилъ и тогдашнее положеніе этого селенія, съ развалинами церкви св. Николая, мечетями, садами и богатой природой. Отсюда путешествіе продолжалось по направленію къ Севастополю (15. V), гдѣ ректоръ посѣтилъ ктитора греческой церкви Кон. Юр. Кр., а вечеромъ—балаклавскій монастырь; пробывъ тамъ довольно долго, онъ увидѣлся (10, VI) съ митрополитомъ аганольскимъ Іосифомъ. (Замѣтки, 113—121).

онъ велъ для себя, судя по ихъ необработанности, но нѣкоторыя замѣтки, возможно, заносилъ и для архіепископа, напр., о неисправности приходо-расходныхъ книгъ, неутвержденномъ старостѣ въ церкви, церковной оградѣ, требующей починки и пр.

Въ эти поѣздки, повидимому, Іаковъ впервые немного познакомился съ расколомъ; по крайней мѣрѣ, до этого случая о знакомствѣ Вечеркова съ старообрядцами нѣтъ никакихъ данныхъ. Эти же поѣздки дали ему полную возможность наслаждаться природой юга; еще въ Сѣвскѣ Іаковъ любилъ прогулки по тѣнистымъ рощамъ, окружавшимъ семинарію, а теперь онъ находился очень близко къ богатому югу. Всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ объ этихъ впечатлѣніяхъ.

Въ Екатеринославѣ ректоръ семинаріи имѣлъ большое знакомство, напр., былъ знакомъ съ А. М. Фадѣевымъ²⁾, впоследствии саратовскимъ губернаторомъ, выѣзжалъ самъ въ „жениховскомъ“ экипажѣ, по словамъ преосвящ. Θεοφιλα, и пользовался расположеніемъ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ³⁾. Онъ могъ даже, какъ видно изъ одной замѣтки въ записной книжкѣ о сотернѣ, разбираться въ сортахъ вина⁴⁾.

Въ екатеринославскій періодъ у Іакова появилась въ характерѣ новая черта; онъ страстно полюбилъ историческую науку въ самомъ широкомъ смыслѣ. Сюда онъ включилъ археологію, этнографію и статистику.

Все время, остававшееся отъ исполненія официальныхъ обязанностей, ректоръ употреблялъ на научныя занятія. Теперь, особенно во время поѣздокъ, ни одинъ памятникъ, ни одно преданіе, ни одно событіе, сколько-нибудь интересное съ исторической точки зрѣнія, не проходили незамѣченными Іаковымъ. Въ свои четыре поѣздки по Россіи, насколько онѣ отразились въ его записной книжкѣ, онъ предстаеъ взору изслѣдователя, какъ уже настоящій археологъ и этнографъ. Увлекавшійся тою же научною областью, архіепископъ Гавріилъ оказывалъ ректору свое содѣйствіе. Для удобства собиранія разнаго рода свѣдѣній Іаковъ сталъ вести записки. Сюда онъ вносилъ свои мысли

1) 21. VIII. 1828.

2) Воспоминанія *Фадѣева*, „Р. Архивъ“, 1891, V, 15.

3) А. М. Жизнь преосв. Іакова. 17. Авторъ думаетъ, что Іаковъ только и говорилъ, что о душевнасительныхъ предметахъ.

4) Путевыя замѣтки, „Херс. Е. В.“, 1862, VI прибавл., 63.

и чувствованія; напр., когда ректору было скучно, онъ брался за чтеніе отеческой литературы, особенно за бесѣды Макарія египетскаго. Однажды уныніе и душевное расслабленіе такъ усилились, что не помогло даже и чтеніе твореній преподобнаго Макарія. „Надобно было оставить чтеніе и заняться легкимъ размышленіемъ, веселящимъ душу. По появленіи различныхъ мыслей неутѣшительныхъ, вдругъ представилась въ мысляхъ птичка, безмолвно сидящая на вѣтви въ тѣни, но съ веселіемъ смотрящая на тихій весенній свѣтъ, освѣщающій вокругъ находящіеся предметы. Сладко и изъ подъ собственной душевной тѣни взирать на тихій свѣтъ благодати, сіяющей въ сердцахъ другихъ избранныхъ Божіихъ. Чтеніе Макарія не предотвратило унынія и расслабленія; но мысленный взоръ на свѣтъ благодати, постоянно сіявшій въ сердцѣ Макарія, развеселилъ душу и укрѣпилъ мысль. Господи, слава Тебѣ!“¹⁾ Въ эти же записки вошли замѣтки метеорологическаго, статистическаго и частнаго характера; такъ: „1825 г. 16 Марта послѣ морозовъ началась оттепель, дуетъ южный вѣтръ, снѣгъ таетъ, зимняя дорога испортилась, ѣзда на колесахъ, атмосфера туманна, льются съ горъ воды, по Днѣпру еще ѣздить льдомъ. Въ Крыму маховой сажень соломы 100 копѣекъ, въ Екатеринославѣ (sic) возъ сѣна 25 копѣекъ, скотъ отъ недостатка корму издыхаетъ. Въ народѣ благополучно; муки ржаной четверть 6 рублей, овса 5 рублей, гречневой крупы—12 рублей. Получено свѣдѣніе о смерти сына Брискориши“²⁾.

Попадали въ записки и частныя событія, напр.: „1830 года Мая 7 въ 11 часу по полудни скончалась Генераль-Маіорша Елена Петровна Шперберхъ, урожденная Родзянко, послѣ болѣзни, продолжавшейся около недѣли. Кончина постигла ее въ городѣ Екатеринославѣ (sic), въ квартирѣ одного купца. Сія боголюбивая особа отличалась порывами къ преспѣванію въ духовной жизни, любовію къ ближнимъ, частымъ посѣщеніемъ храмовъ Божіихъ, христіанскимъ просвѣщеніемъ, скорбями отъ семейственныхъ обстоятельствъ, великодушнымъ перенесеніемъ несчастій, незлобіемъ, Евангельскою кротостью, откровеннымъ характеромъ, сострадательностью и пламеннымъ исканіемъ Господа“³⁾. Затѣмъ авторъ мемуаровъ упомянулъ природныя дарованія покойной, ея знанія языковъ и другихъ наукъ, а также начитанность въ Свящ. Писаніи.

¹⁾ А. М. Жизнь Преосв. Іакова, 17 и примч., 17—18; *В-во*, примч. къ „Путевымъ замѣткамъ“ Іакова. „Пѣти. Екатерин. Уч. Арх. Ком.“, VI, 87. *Записки*, Преосв. Іаковъ. „Церк. Вѣд.“, 1901, № 21, 726. *Полисидовъ*, Преосв. Іаковъ. „Ниж. Е. В.“, 1895, 11, 289—90.

²⁾ А. М., о. с., 18—19, примч. *В-во*, о. с., 87.

Говорятъ записки и о событіяхъ церковныхъ, напр., подъ 22 Мая 1830 г. упомянуто освященіе архіеп. Гавріиломъ мѣста для екатеринославскаго кафедральнаго собора, происходившее при большомъ стеченіи народа; въ концѣ освященія, по выраженію Вечеркова, на сцену вышелъ поселянинъ Коржъ, присутствовавшій и при первой закладкѣ¹⁾ храма (9. V. 1787). Какъ любитель археологіи, Іаковъ упомянулъ позолоченную доску, положенную Екатериной II при первой закладкѣ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Іаковъ началъ записывать воспоминанія и другихъ людей. Много такихъ записей получилось во время его поѣздокъ по южной Россіи, но особенно цѣнны для исторіи новороссійскаго края записанныя Іаковымъ и Гавріиломъ, слово въ слово²⁾, воспоминанія упомянутаго Коржа; потомъ, добавивъ ихъ своими примѣчаніями, архіеп. Гавріиль издалъ эту работу, подъ заглавіемъ: „Устное повѣствованіе бывшаго запорожца, жителя Екатеринославской губерніи и уѣзда, селенія Михайловки. Никиты Леонтьевича Коржа“³⁾. Вообще, страсть къ археологіи начала развиваться серьезно у архимандрита Іакова, и, уже совсѣмъ какъ страстный собиратель, онъ, покидая Екатеринославъ, увезъ съ собой нѣсколько рукописей⁴⁾.

Еще въ Сѣвскѣ Вечерковъ былъ катехизаторомъ, по обязанности говорившимъ много проповѣдей: теперь способность и любовь къ проповѣди постепенно въ немъ возрастали. Въ Екатеринославѣ архимандритъ Іаковъ говорилъ проповѣди: на погребеніе архіеп. Онисифора⁵⁾, на смерть губернатора Цалабана⁶⁾ и на коронованіе Николая I⁷⁾; возможно, что говорились и другія проповѣди.

Семинарская служба дала Іакову орденъ Анны 2 степени. Въ концѣ 1832 г. его вызвали въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди.

1) А. М. Жизнь Преосв. Іакова, 19—20.

2) *Мурзакевичъ*, Записки 1809—1883. „Русск. Стар.“, 1889, LXI № 2, 253. В-въ, о. с., „Итог. Екатеринославск. Уч. Ар. Ком.“, VI, 87.

3) Одесса, 1842. V А. М. о. с., 20, примч., заглавіе сокращено. *Лебедевъ*, Рукописи Братства, 2. *Правдинъ*, Общ. Архіеренхъ, управлявшихъ Сарат. еп. „С. Е. В.“, 1878, № 3, 46. *Лепольдовъ*, Извѣстіе о кончинѣ Іакова, ргп. Сар. арх. ком.

4) Изъ нихъ собраніе писемъ разныхъ лицъ къ повороссійскому преосвященному Афанасію и одинъ сборникъ, въ которомъ находится, между прочимъ, рѣчь, обращенная къ этому Афанасію, сохранились въ бібліотекѣ саратовской семинаріи.

5) Слова и рѣчи, изд. 3. ч. 11. 282—286. 287—89.

6) Ibid., 11. 290—296.

7) 22. VIII. 1826. Ibid., 11. 113—116.

Въ Екатеринославѣ ректоръ перенесъ тяжелую утрату: у него умеръ братъ Ѳеодоръ, только что окончившій семинарію. Это обстоятельство, а, можетъ быть, и вообще невеселая жизнь монаха вызывали Іакова часто на думы о смерти. Будучи боленъ (1830), онъ писалъ: „Вотъ начинается болѣзнь,—слава Тебѣ Господи! Вотъ болѣзнь усиливается,—слава Тебѣ Господи! Вотъ можетъ постигнуть смерть,—слава Тебѣ Господи! Мнѣ, еже жити Христось, а еже умрети—пріобрѣтеніе“.¹⁾

Почти девятилѣтнее²⁾ пребываніе въ Екатеринославѣ дало Іакову богатый опытъ и любовь къ историческимъ дисциплинамъ. Близость къ архіеп. Гавріилу дала возможность хорошо познакомиться съ управленіемъ епархіей. Отсюда уже нетрудно предсказать, что и въ дальнѣйшей жизни Вечеркова будутъ развиваться именно эти начала; особенно ясно проявилось потомъ вліяніе Гавріила: Іаковъ взялъ себѣ за образецъ этого архіерея, и иногда прямо копировалъ его.

¹⁾ А. М., *ibid.*, 69, примч. *Знаменскій*, преосвящ. Іаковъ, „Церк. Вѣд.“, 1901, № 21, 731.

²⁾ У А. М. (Жизнь Преосв. Іакова, 16) неточно: *девятилѣтнее* пребываніе.